

За высокие профессиональные достижения, добросовестный труд, личный творческий вклад в развитие культуры г. Петропавловска-Камчатского и Камчатской области (края) награжден многими Почетными грамотами, благодарностями, благодарственными письмами; дипломом «За выдающиеся научные работы в области географии» (2000 г., Русское географическое общество); Золотым значком «Профессионал своего дела» (2003 г., КПД); ему присвоено звание лауреата губернаторской премии в области литературы (1997 г.), лауреата учительской премии им. П. Т. Новограбленова (1995 г.), лауреата краеведческой премии им. С. П. Крашенинникова (2000 г.).

Евгений Валерианович – заслуженный работник культуры РФ (1998 г.); участник общероссийской энциклопедии «Одаренные дети – будущее России», награжден медалью «За вклад в развитие образования» (2011 г.), медалью им. М. А. Шолохова за высокохудожественные произведения (2005 г.), медалью «Ветеран труда».

Евгений Валерианович ушел из жизни на 69-м году в 2010 г., что явилось невосполнимой потерей для камчатской культуры и литературы.

А. Г. Гропянова
НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ КАМЧАТСКОМ ПИСАТЕЛЕ
Е. В. ГРОПЯНОВЕ (24.10.1942–05.12.2010)

Всё-таки литература русская магически прекрасна.

Е. Гропянов

*Часы в ночи стучат шагами
Командора,
Минуты жизни отсекая,
Я – жизни раб,
И к ней прикован я цепями:
Чем цепь длинней,
Тем больше дней
Под небом я увижу.*

Е. Гропянов

(6 янв. 2005 г. 1 ч 35 мин.)

Написать о Е. В. Гропянове мне настойчиво советовали те, кто помнит его, уважает и испытывает глубокий интерес к личности, творчеству известного камчатского писателя.

«Ты должна рассказать о Жене, это твой долг перед ним и читателями. Воспоминания о нём должны остаться обязательно, это наша история», – сказала мне Ирина Васильевна Витер, историк, краевед нашего полуострова.

Такого же мнения придерживался и Евгений Валерианович: «История сосредоточена в людях, её делающих. Их-то на Камчатке почти не осталось: многие уехали на материк и увезли с собой частицы камчатской истории... Сколько раз я просил, умолял ветеранов Камчатки оставить для потомков свои воспоминания, убеждая, что истории важны не столько художественные изыски, сколько мысли свидетелей эпохи, изложенные просто – в простоте всегда много искренности.

Все соглашались, а потом уезжали и тихо покидали этот мир; так частицы истории превращались в ничто, умирали, а ведь в этих крохах и есть основное – люди, с которыми ты сталкивался. Они уходят из бытия и уносят с собой историю...». «Не забыть прошлое, запечатлеть в исторической памяти события и факты хрупкой камчатской культуры», – к этому всегда стремился Евгений Гропянов и убеждал других.

А вот желание узнать прошлое родного края, изучить его родилось у Евгения ещё в детстве под влиянием общения с К. Мечтановой, известным в 50-е гг. XX в. камчатским краеведом. Надеюсь когда-нибудь опубликовать свои воспоминания, вот как он об этом рассказывает: «Я вырос на Камчатке (семья приехала сюда в 1951 г.). Так получилось, что мы жили на одной лестничной площадке с К. Мечтановой, директором Камчатского краеведческого музея. Она была одинокой, и мы частенько гостевали у неё. Меня всегда поражали её книги, многие из них – старинные. Она часто говорила, показывая на них: “Здесь, Женя, история Камчатки. Ты ещё не знаешь, какая замечательная история у нашего края. Вот подрастёшь немного, и я дам почитать их. А сейчас иди, гоняй мяч. Это полезней”.

Она доставала папироску, закуривала и, покашливая, легонько выпроваживала нас.

Книги я любил всегда. Они были у меня с раннего детства. Были и такие: отпечатанные на машинке третьи экземпляры стихов Маршака и Чуковского – дело послевоенное: отец приносил листки с работы, а бабушка читала. Особенно мне нравилась “Муха-Цокотуха”. Поэтому я терпеливо ждал, когда же можно будет прикоснуться к томам в тиснёных переплётках.

Однако так случилось, что я не дождался: К. Мечтанова умерла, причём как-то быстро; её похоронили, и книги по истории Камчатки стали для меня недоступными, но в памяти остались. Появились другие заботы: надо было заканчивать школу...»

После школы Евгений поступал в строительный институт, работал на судостроительном заводе «Фреза», почти год жил в маленьком провинциальном городке Рогачёве Белорусской ССР (лето-осень 1961 г. и зиму 1962 г.)

Здесь очень много читал в свои 18–19 лет, навсегда порвал с мыслью о поступлении в медицинский институт, чему был несказанно рад: медицина никогда не прельщала его, тем более хирургия. Настоящий страстью Е. Гропянова, смыслом его жизни и судьбой стали книги, литература: она влекла его, «будоражила своей таинственностью».

А повести В. Ершова «Поиски янтарной комнаты» и В. Пересветова «Тайна выцветших строк» о пропавших янтарной комнате и библиотеке Ивана Грозного, рассказы К. Мечтановой только подогревали интерес к прошлому страны и истории Камчатки.

Евгений даже пробовал сам сочинять рассказы, стихи, начал писать остросюжетный детектив.

Здесь, в Рогачёве, родилась мечта о своей, хорошо подобранной библиотеке, основу которой должен составить любимый камчатский раздел. Возможно, пока интуитивно определяя будущую тему своего творчества, в своем дневнике (в Рогачёве) от 4 апреля 1962 г. (19 лет) юноша запишет:

«Книги по истории Камчатки давно сидят у меня в голове, и надо дать только толчок, чтобы всё вылилось на бумагу.

Начну с первооткрывателя Камчатки Попова, затем – исследования атамана Атласова, Первая и Вторая Камчатские экспедиции, описание Камчатки Крашенинниковым, дальше – Дитмар, путешествия Комарова, Рябушинского и других. Петропавловская оборона 1854 г.

Камчатка в наши дни – экономика, промышленность, сельское хозяйство.

Курилы – котики, этнография. Примерно, в таком плане собираюсь писать».

Но пока не писал, а лишь приступил к поиску материалов для своих будущих книг. Помогала природная любознательность: запросил Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, каким тиражом вышла книга С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» в 1755 г., и узнал, – он равен 1350 экземплярам. Попросил сотрудника этой же библиотеки Козловского прислать список книг о Камчатке, вышедших после 1917 г.

А в 1962 г., вернувшись из Белоруссии в Петропавловск-Камчатский, поступил на первый курс историко-филологического факультета Камчатского государственного педагогического института. Тут и начал писать, публиковаться и получил признание сокурсников. В газетах «Камчатская правда», «Камчатский комсомолец» появились «Берёзка», «Пурга», «Авторучка», «Следы», «Дневник», «Город Робинзон», «Англичане», «Осень», «Бабушкина сказка» и другие.

Но родившаяся страсть к путешествиям, навеянная ещё в 1961 г. книгами его любимых писателей Миклухо-Маклая и Тура Хейердала, не погасла в нём. Его по-прежнему привлекали первопроходцы, первооткрыватели, герои смелые, отважные, мужественные, суровые, радеющие за будущее России.

Попробовав себя в разных жанрах, Евгений Валерианович отдал всё-таки предпочтение самому трудному – историческому: долгие годы с удивительным терпением, настойчивостью и упорством работал над изучением истории освоения Камчатки конца XVII, первой половины XVIII вв., решив силой художественного воображения воскрешать картины далекого прошлого нашего края.

«Я стараюсь писать для других. Хочу показать историю Камчатки в художественных образах, заинтересовать читателя прошлым нашего края. Богатство под ногами – только пиши» (Дневник, 29 декабря 1964 г.)

«А толчком послужила небольшая книжка Алексева, известного учёного, “Братья Шмалёвы”, – рассказывал Евгений Валерианович в 1982 г. – Меня поразил эпизод – в Петропавловскую гавань входят суда легендарного Кука. Камчатка – и экспедиция Кука! Согласитесь, что значимо. Экономически развитая Англия и потопленная в вечных снегах Камчатка! И я написал свой первый исторический рассказ “Тости из туманной Британии” (1965 г.)

Чтобы расширить свои знания, я взялся за научную литературу.

В библиотеке я находил книги, которые видел у Мечтановой, и набрасывался на них. Я помнил книги мечтановской библиотеки по названиям, и это спасало меня от ненужного копания в сотнях других. Моими друзьями стали труды Берга, Ефимова, Белова, Покровского. С ними я проводил все свободные вечера.

Но книги не могут заменить людей, и я познакомился (в 1973 г. – *А. Г.*) с интересным учёным Борисом Петровичем Полевым (1918–2002). Он живет в Ленинграде, работает в институте этнографии. Он помог мне в работе над повестью «Атаман» о первопроходце Владимире Атласове. Он же дал мне много советов, когда я собирал материалы для повести об Иване Козыревском «Черный монах».

«Черный монах» является продолжением «Атамана». Сейчас я занят сбором материала для третьей повести «Море росссов». О чём она?

Если «Атаман» посвящён освоению Камчатки, если «Черный монах» рассказывает о присоединении к России Курильских островов, то «Море росссов» – об освоении русскими регулярных путей между Охотском и Камчаткой, Камчаткой и Америкой.

Россия вслед за Балтикой вышла в Тихий океан. И это величайшее достижение российских моряков. Долгое время воды Тихого океана видели только Андреевский флаг. Повесть ещё не написана. Поэтому говорить о ней более подробно рано. Но зато русскими написана история Дальнего Востока. И это главное.

Историческая повесть «Атаман» – «самое задушевное произведение» Е. Гропянова, выйдет отдельным изданием в 1973 г. Небольшого формата книга в мягкой обложке, всего 167 страниц печатного текста, проиллюстрирована художником Горбуновым. С кратким предисловием: «Историческая повесть Е. Гропянова рассказывает о том, как в конце 17 в. была впервые исследована Камчатская земля казачьим отрядом Владимира Атласова. Кроме повести, книга содержит рассказы о событиях, трагических и героических, происшедших на Камчатке в 17 веке...».

«Атласова пишу, чтобы показать: личность одна не может двигать историю, исчерпав свои возможности, она должна уйти. Если этого не происходит добровольно, её убирают как ненужную. Историю делают, как это ни банально, люди...» (Дневник, 11 февраля 1966 г.)

Затем появились «За переливы» (1978 г., с предисловием Н. Задорнова), «В Камчатку» (1990 г., куда вошла повесть «Море росссов»). Самый зрелый и полный вариант «Атамана» (1978, 1990), в создании образа которого Е. Гропянов являлся практически пионером, помещён в издании 1997 г., где представлены все части исторической повести: «Зачатие», «Атаман», «В Московии», «Черный монах». В итоге, вобрав все названные части, книга получила новое название: «Атаман... В Камчатку...».

Однако Е. Гропянов параллельно создавал и современные рассказы, они одинаково хорошо получались, это признавали все (и даже Борис Петрович Полевой, доктор исторических наук, считал, что они принесут ему славу) и не раз советовали отойти от исторической темы, трудной и не всегда благодарной.

Колемался и Евгений Валерианович: «Писать исторические произведения – дело неблагодарное: никогда не знаешь, попал ли в точку; поскольку точка мала, то попадание ничтожно, о чем говорит вся история мировой литературы». И тут же возразил: «И всё-таки стоит изловчиться. Пример тому – наш Пушкин с «Капитанской дочкой», поляк Сенкевич с «Кво Вадис», француз Флобер с «Саламбо», Фейхтвангер. А из последних – наш Балашов. Сколько писателей живет прошлым и в прошлом, насыщая своей жизнью настоящее и будущее!»

3 июня 1981 г. он даже принял решение: «Не хотел браться более за историю, но повесть о Беринге уже трогает моё сердце – мой Командор!» И 22 июня 1985 г.: «Кажется, я влезаю в работу над «Командором»». Так первоначально он хотел назвать повесть о Витусе Беринге.

У каждой книги своя история, своя судьба, своя дорога к читателю. У этой – особая: она последняя из того исторического, что создал автор.

Беринга, считал Е. Гропянов, напишет только тот, кто посвятит ему всю свою жизнь. Но так получилось, что и он, сам того не ведая, отдал работе над образом командора около тридцати лет...

Что побудило его взяться за эту неподъёмную тему? Ведь он уже рассказал об отдельных эпизодах жизни Витуса Беринга в повестях «Земля Америка», «Море росссов»? Понимал ли Евгений, в какое предприятие, как он сам говорил, ввязался, думал ли о той ответственности, которую возложил на себя? Да, конечно. Тем более, о Витусе Беринге, великом мореплавателе, сподвижнике Петра I, столько написано! Он герой книг известных беллетристов: Г. Голубева, А. Лейкина, В. Пикюля, Н. Чуковского!

В своём дневнике 1 ноября 1995 г. Е. Гропянов так объяснил своё намерение: «Но ведь пока никто не взялся за такого Беринга, каким задумал его я. Трагедия – мать живого – отсутствует».

Написать своего Беринга, не оглядываясь на историков, избежать уклона в беринговский стандарт, которым, считал он, страдает литература об экспедициях, уйти от общепринятых стандартов, от тех образов Беринга, которые кочуют из книги в книгу, поднять имена малоизвестные, забытые историей, людей простых, показать трагедийность событий, их величие – задача, которую он поставил. «Витус должен быть живым, человеком. Ведь он великий мореплаватель и заслуживает благодарности потомков, никто не имеет права пренебрежительно относиться к нему: такое предприятие – две экспедиции на плечах! Написать не только о поисках Тера да Гама (мечта Командора) – “этот пустынный неуютный берег и землянка в песке, как могила, приют уставшей души”; рассказать не только о завоевании земель, но и изучении их, приобщении к русскому государству».

«Я хочу наполнить Беринга эпохой, только тогда он оживёт. Иначе он так и останется ходячим, бестелесен и скучен».

Евгений Валерианович не ставил перед собой цель описывать жизнь героя в хронологической последовательности, день за днём, год за годом, а решил рассказать о совершенно не исследованных фактах жизни Витуса Беринга, о которых до него никто никогда не писал в художественной литературе.

Невозможно представить тот огромный объём работы, который буквально обрушился на писателя при подготовке будущей книги. Помогала выработанная годами система работы над произведением. Она никогда не была хаотичной: Евгений сразу набросал общий план; план подробный, детали каждой части, особое внимание уделил эпизодам, поискам материалов, их чтению, осмыслению, отбору. «При всей простоте конструкции повествование должно получиться занимательным, отличным от пустословия многих борзописцев, при всей трагедийности событий» (Дневник, август 1995 г.).

Возникало и множество вопросов, на которые нужно ответить, принять единственно правильное решение. Как назвать произведение? В разные годы название звучало по-разному: «Му Bering», «Жизнь моряка из датского города Хорсенс, который прослужил в России 38 лет и умер на далёком туманном острове неподалёку от Камчатдальской земли»; «Vitus Bering в рассказах, эпизодах и документах», «Bering. Неоконченный портрет», «Bering. Неоконченная история жизни моряка»... А выбрал «Ступай и исполни» – слова императрицы Екатерины, адресованные Берингу перед отправлением в Первую Камчатскую экспедицию.

Вызывали раздумья и формы повествования: «Думал, как же писать Беринга? Возможно, возьму старый отработанный приём – рассказ у печки, быть может, один герой рассказывает всё о Беринге. Ещё можно – Беринг на смертном ложе, и вся его жизнь (в его устах)» (Дневник, 5 марта 1996 г.)

Даже хотел использовать форму дневника.

«Беринг вёл партикулярный дневник, – рассуждал автор, – он был у детей, внуков и вот исчез: мог сгореть, могли и фрицы утащить в свой фатерлянд. Вот где история экспедиций! Странно! Я когда-то решил писать в форме дневника о Беринге, просил совета у Б. Полевого, но он отговорил» (Дневник, 22 марта 1996 г.)

«Для истории – это потеря (дневника. – А. Г.), для меня – больше; я бы мог пообщаться с В. Берингом. Мы бы сели и поговорили об экспедициях, о людях, оценках Берингом всех событий, о чём он умолчал, о чём умалчивали все, о чём говорили нехотя. Записки Беринга раскрыли бы то, что так хотят знать краеведы: что было на самом деле в экспедициях. Сегодня мы можем позволить себе только догадки и логические выводы. Настоящих свидетельств мало, они противоречивы» (Дневник, 30 марта 1996 г.).

Наконец обратился к широко известному приёму: «Повесть о Беринге – в главах, лучшее, что можно придумать. Каждая глава – маленькое повествование, которое можно читать отдельно, безотносительно ко всему произведению».

Беринг потребовал и других словесных потрясений, другого материала. Евгений полагал: «Писать В. Беринга языком “Атамана” не годится. Ведь Беринг – западноевропеец, всё-таки в нем кровь викинга. О нём писать легко и ужасающе трудно. К нему надо подбирать необычные слова. Для него годится язык западноевропейца, ритмическая проза» (Дневник, 14 августа 2007 г.).

Автор собрал огромный материал о Камчатских экспедициях, прочитал все книги о Витусе Беринге, дважды работал в центральных архивах страны – в Москве в ЦГАДА и в Ленинграде – в ЦГАМФ. Он «перекопал» библиотеку учёного Б. П. Полевого и вёл широкую переписку с извест-

ными историками страны: В. П. Васильевым, Л. М. Пасенюком, В. Полуйко, А. Харитоновским, Т. С. Фёдоровой, Б. П. Полевым, чьи труды и советы оказали писателю огромную помощь. В 1989 г. Евгений Валерианович посетил родину своего героя – Данию, побывал в городе-побратиме Петропавловска-Камчатского Хорсенсе, познакомился там с потомками В. Беринга и с некоторыми затем вёл переписку. Работая над повестью, автор создал специальный словарь устаревших слов и даже завёл досье на своего героя. Это была папка-копилка с лаконичной надписью: «К Берингу! Использовать! Набрать!», «My Bering!».

Чего только в ней не было!

Вот молитва для Беринга: «Господи, да продли мои дни на грешной земле, дай мне глоток воздуха, чтобы сердце мое не смолкло, дай мне голос, чтобы меня слышали, да не успокой ноги мои, чтобы путь мой не окончился за ближним поворотом; Господи, порадей за близких моих, чтобы их здоровье не опечалилось болезнями, чтобы чада были живехоньки и обошли их печали. Господи, крест мой тяжек, да я не сетую, ибо мой крест – токмо мой, никто его не осилит. Господи, смилуйся!» А вот сухие строки, которые станут частью художественного текста, а это мнение Е. В. Гропянова о раскопках могилы В. Беринга на Командорах: «Всё более укрепляюсь в мысли, что не Беринга откопали на Командорах» (Дневник, 26 мая 2003 г.); здесь же мысли автора о душевных муках героя повести: «Как он думал, как мечтал, что настанет миг, и он найдёт человека, перед которым раскроет свою истомлённую душу...», и план описания деталей во время пребывания на “Лесном”: «Мир Беринга. Его любовь к Анне. Прибытие на “Лесное” – он поднимается на борт; команда выстроена, кричат “ура”. Он обходит строй. Он в каюте. Где она? Что в ней? Убранство. Какая икона? “Лесное” – церковь-корабль. И всё “Лесное”. С “Лесного” он шагнул в экспедицию». А здесь всего одно предложение с пометкой «сгодится»: «Чириков носил белый, шитый золотом мундир (“Летопись Аляски” Из книги Маркова). И выписка из книги В. Д. Линькова, А. К. Силантьева, А. К. Станюковича «Командорский лагерь экспедиции Беринга» и дневника Стеллера (Дневник, 4 января 2007 г.), давшие ответ на мучивший автора вопрос: в какой землянке жил 28 дней на берегу острова Витус Беринг. Письмо в Хорсенс тетушке Маргарет и его послание со словами любви жене Анне. Строки, вошедшие в повесть: «Когда Анна получила известие о смерти мужа (Дневник, 14 ноября 2007 г.), она осознала одно: ей надо собраться, сжаться, сбиться, отвердеть, чтобы помочь дальнейшей жизни старших сыновей...» (Дневник, 15 ноября 2007 г.).

Но работа над произведением шла с перерывами. И причин тому было много. Нужно помнить: создавая «Атамана», Евгений Валерианович, тогда ещё студент (1964 г.), но уже начинающий одарённый писатель, был одухотворённым романтиком, полным самых оптимистических надежд. И они осуществлялись: постоянные публикации в периодической печати, репортажи и интервью по радио, выступления по телевидению, знакомство с известными историками страны, первая самостоятельная книга (1973 г.), творческие командировки, участие в дискуссиях, читательских конференциях, совещаниях творческой молодежи Камчатки, частые встречи с читателями, поездки в качестве делегата на зональные совещания молодых литераторов Сибири и Дальнего Востока в Иркутске (1974 г.), семинар молодых писателей в Москве (1975 г.), VI съезд Союза писателей СССР (1985 г.) – всё побуждало к творчеству.

«При написании Беринга я другой», – заметит Евгений. Время выпало на перестроечные годы, трагические, лихие, как только их не называли, 90-е гг. XX в. Скорей всего, разрушительные, прошедшие по человеческим душам, уничтожавшие всё привычное, родное, дорогое сердцу. Он зрелый человек, умудренный опытом, попал в жернова перестройки, перенес удары судьбы, пережил их вместе со страной, лишился, как и все творческие люди, какой-либо поддержки со стороны государства.

Рухнул Дальзидат во Владивостоке, и в 1995 г. было ликвидировано Камчатское отделение, возглавляемое Евгением Валериановичем, его детище, что было равносильно смерти. Жить без книг он не мог. Ещё в юности мечтал их издавать: «Делать книги – счастье!» Пришлось создавать редакционно-издательский центр в «Камчаткниге», затем – издательство в КПД (Камчатский печатный двор). Пережить и перестрадать случившееся. Кроме того, редакторско-издательская работа, рукописи авторов, большая общественная нагрузка, школа-студия при писательской организации, создание фундаментальных историко-краеведческих трудов совмещать с собственным писательством было тяжело, почти невозможно. Параллельно с Берингом готовились к печати его авторские книги: хрестоматия «Литература родного края» для 5–9 классов школ Камчатской области, «Писатели Камчатки», этюды «Глаза земли», цикл «Современники», литературные статьи, современные рассказы... Всё требовало огромной отдачи творческих, духовных и физических сил.

Отказаться от чего-то Евгений Валерианович не хотел: «Я не могу и не умею мало работать!» Хотя катастрофически не хватало времени, писал после работы, вечером, о чём часто сожалел: нарушалось душевное равновесие, необходимое писателю.

«Я не могу перенести на бумагу все чувства, кипящие в душе, – прикоснувшись к бумаге, они превращаются в пар... Мне бы свободу времени, и какой получился бы Беринг! Совершенно не похожий на ту тень, которая бродит из повести в повесть. Беринг, обниженный нашими предрассудками и глупым знанием русской действительности» (Дневник, 5 декабря 1996 г.).

«Я мог бы завершить Витуса, да не даётся он мне по времени» (Дневник, 18 мая 2007 г.).

Иногда рукопись ждала своего часа не только дни – недели, месяцы, годы. На что Евгений часто сетовал:

– Беринг недвижим...

– Беринг застыл, замёрз, и надо ждать потепления...

– Беринг бросил якорь... Примёрз к пристани... Беринг уплыл в вечность, мне за ним не угнаться.

– А как же мой Беринг? Он в Якуцке (авт.) и ждёт, когда я поздороваюсь с ним. Что я и делаю: «Здравствуйте, господин капитан-командор! Как ваше самочувствие? Вы спешите, и вам некогда говорить со мной по пустякам? Что ж. Вы правы. И я занят. Выступаю. Поговорить с вами некогда. Чайку испить. Чарочку пропустить. Суета. Сочувствую. До встречи!»

А однажды решил бросить «повесть о стародавних делах», отдав шесть лет Берингу и подготовив уже восемь печатных листов.

«Беринг то приближается ко мне, то вдруг отдаляется, отплывает как-то рывком и теряется в тумане, и я вновь один, как будто Чириков после шторма в Тихом: Беринга не видно, а плыть к Америке надо!»

В итоге кое-что из написанного было выброшено, что-то пошло в огонь... Потом Евгений Валерианович сердился на себя за содеянное: «Могло бы сгодиться!»

После этого не раз сокрушался: «Какое трудное дело затеял я!» И успокаивал себя: «Но ведь гребу потихоньку». И вновь, продолжая писать, возвращался к Витусу-командору.

В 2001 г., будучи избранным председателем Камчатского отделения Союза писателей России, придя домой, заявил: «Беринга придется отложить на неопределенный срок: нужно отремонтировать теплотрассу к Дому писателей и делать ремонт в “Светёлке”». И добавил: «Мой Беринг! Неужели я скажу тебе прощай?»

Но герой имел какую-то необъяснимую власть над своим автором. И чувство вины перед выдающимся мореплавателем не давало Евгению покоя: «Я уже плохо помню, когда он завладел мною. Сегодня кажется: он был всегда со мной, я бредил им; затем, перелюбив, я охладел к нему, он стал слишком привычен, обыден, член нашей уставшей семьи 20-го века».

И всё-таки расстаться с ним уже не мог: «Надо окончательно признать, что Беринг от меня далёк, и всё никак не могу с ним расстаться, держит он меня... развязаться бы с ним, чтобы не чувствовать вины перед ним и собой...» (Дневник, 22 сентября 1995 г.)

Самым сложным было проникновение во внутренний мир своего Командора, с которым автор давно был на «ты».

Ведь В. Беринг, по мнению Евгения, мог быть в разные периоды жизни разным – и моряком лихим, и вельможей: «Он ведь Командор, для всех времен – большой чин (ранг)... У Беринга могло быть несколько портретов – кто и как смотрит на него: ведь не все его любили, враги есть у каждого, и у Беринга они были – завистники: мир завистников страшен... Не помню, кто из великих сказал: каждый человек – тайна, которую никогда никому не удалось раскрыть до конца; человек уходит из мира непознанным, он уносит своё “я”, не позволяя никому прикасаться к сокровенному» (Дневник, 1 ноября 1995 г.).

Как это ни странно, но главный герой повести, кажется, сам часто помогал писателю: он стал его собеседником, советчиком и судьёй.

Иногда, «мучимый своей виной перед Витусом Берингом», писатель разговаривал с ним в своём кабинете: «Вхожу в свой полутемный кабинет. Книжки смотрят на меня. Душа моя волнуется. Я меняюсь: что-то высшее начинает волновать меня. Я сажусь за стол. Мой Беринг вопрошает меня: где был, почему перестал сочинять мою жизнь? Он строг. Я, волнуясь, хочу объяснить свое отсутствие – он лишь усмехается: тебя бы матрозом (*Е. Г.*) на мой пакетбот, там бы ты забегал по вантам, от Нильса Янсена по зубам получал бы изрядно...»

Не раз Евгений Валерианович признавался самому себе: «От Беринга мне уже не скрыться, он всегда будет во мне».

Действительно, он настолько свыкся со своими героями, так прикипел к ним душой и сердцем, что они стали для него родными, членами нашей семьи. Иногда Евгению казалось, что он сам живет в восемнадцатом веке, так он погрузился, врос в эту эпоху.

«Эпоха восемнадцатого века для меня родная, я живу там; иногда кажется, увиделся бы с Берингом, мы бы поняли друг друга сразу; выпил бы с Де Ла Кройером; Алексею Ильичу (Чирикову. – А. Г.) задал бы много вопросов об Америке; Мартыну Шпанбергу ограничился бы лишь пышной любезностью; мы бы остались холодны друг к другу; с Крашенинниковым говорили бы о литературе, этнографии, фольклоре... Я мог бы жить в 18 веке. Я понимаю его. Я знаю – быть мне ссыльным, долго бы не протянул и сгинул в неизвестности; но кто знает, быть может, и в Сенате пришлось бы заседать...» (Дневник, 2 января 1998 г.).

И всё-таки дело продолжалось. Евгений Валерианович радовался любой свободной минутке, любому удачно написанному эпизоду, абзацу, страничке, выписанной им главке...

«Писал небольшую вставку “Беринг в Батавии”. Об этом ещё никто не писал... Беринг в Батавии – я опять первый» (Дневник, 1999 г.).

«Пушкин застрял в Болдино и написал стихи и прозу. Меня заперли ремонтом на неделю в комнате, и я вновь вхожу в эпоху Беринга, многое освежилось. Я доволен» (Дневник, 9 мая 2005 г.)

«К Берингу написал несколько абзацев. Вот так бы писать – и Беринг, мой Беринг, он был бы давно написан» (Дневник, 11 мая 2005 г.).

«Сегодня на листках писал что-то о Беринге. Писал, как в прошлые годы, с удовольствием. Что-то получилось неплохое» (Дневник, 13 августа 2006 г.).

«Вечером написал страничку ко второй части “Bering в Вологде” у воеводы (доволен)» (Дневник, 3 июня 2007 г.).

В 2001 г. Евгений Валерианович закончил первую часть повести о Витусе Беринге «Ступай и исполни». Она вышла в свет в 2002 г., в год 60-летия писателя.

В. П. Васильев в статье «В четвёртом измерении» назвал её прелюдией к последующим событиям повести и очень точно подметил: «Заполняя пробелы в биографии героя, Евгений Гропянов склоняется всё же к определенной исторической достоверности, вопреки нынешнему поветрию переворачивать вверх дном историю. И, наконец, он выбирает оптимальное лингвистическое решение: не засоряет текст бесчисленными историзмами, что могло бы иметь место, но в то же время не избегает их вовсе, сохраняя порою стародавнее написание слов, чтобы передать “аромат эпохи”.

В этом произведении Евгений Валерианович продолжает использовать соединение беллетристического и исторического начал, не противопоставляя их... и давая волю воображению там, где отсутствуют факты».

Сам писатель так оценивал себя: «Если я говорю, что первая часть для меня трудна, то трудна – совсем не то слово, ибо мне пришлось писать совершенно не написанное. Уверен, что потом возьмут мои изыски за основу и создадут что-то нечто новое. Я же пишу для себя и разговариваю сам с собою, оцениваю свой труд» (Дневник, 2001 г.).

Памятуя об ответственности перед историей и читателями, Евгений Валерианович и во второй части соблюдает преемственность, стремясь к достоверности изложения событий, не нарушая в то же время художественного и документального равновесия, следя, чтобы «факт не потеснил фантазию».

Замыслив продолжение, он признавался: «Вторая часть будет ещё труднее, мне придётся огибать многие углы, знакомые всем историкам. Я не хочу за них цепляться. Вновь только своя дорога, и она этим привлекательна...» (Дневник, 22 сентября 2001 г.).

«Во второй части будет больше лирики. Она будет отличаться от первой. По сути – это разные книги, вполне самостоятельные... Как бы то ни было, я после Беринга первого, пребывая в опустошении, сегодня ощутил себя способным к дальнейшей работе над книгой» (Дневник, 13 октября 2001 г.)

А вот от описания всего хода экспедиции решил отказаться. Главные события, считал он, должны развернуться в гавани, они будут последним узлом. «А то, что открыли Америку, в моей повести не суть важно. Важно другое: поступь России к Америке, поступь России по миру» (Дневник, 13 августа 2006 г.).

Вторая часть получила необычное название: «Via dolorosa», что в переводе означает «скорбный путь».

Существует предание. По узким мощёным улочкам Тель-Авива на Голгофу нёс тяжёлый крест для своего распятия Иисус Христос. Это был страшный скорбный и тяжкий путь.

Вторая часть была закончена в 2007 г., многое переделано в первой части, но и в 2008-м, и в 2009-м гг., уже утвердив главный вариант, Евгений продолжал работать. («Читаю распечатку своего Беринга – четыре варианта!..»). Над последним, пятым, он трудился до самого последнего дня, вводя новые главы, совершенствуя написанное:

«И вновь не хочу повторяться, хочу что-то новое. История еще послужит мне. Беринг мне покорится. Я только научился писать так, как считаю, хорошо...» (Дневник, 21.4.2007 г.)

Как рождается образ? Видимо, это неуловимый момент. Некоторые картины повести являлись Евгению во сне. Как-то проснувшись, сказал: «Мне приснилось начало Беринга. Я не встал и не записал, пытался запомнить, и ведь забыл. Ругаю себя. Начало было неплохим» (Дневник, 25 октября 2007 г.). «И дни мои, как уклоняющаяся тень, и я иссяк, как трава скошенная. Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня клянут мною», – Псалтырь 101. Использовать!

Так же родилась главка «И спустился с небес в белых одеждах некто, совершенно не знакомый Берингу, и был он благочестив взглядом, походкой лёгкой и весь изнутри светился...» (В эту ночь ему не спалось, страшно болела голова.)

Появление некоторых страниц он не мог объяснить и сам. Читатель помнит, что в повести действует некто в капюшоне и загадочная женщина, «ассистирующая судьбе Беринга» (*Васильев В. В четвёртом измерении*).

«Человек в капюшоне и его спутница... Я не знаю, как они оказались в повести, откуда они взялись. Человек в капюшоне... Он не может быть без имени, и я хочу назвать его, хотя бы для обозначения (он скрывает своё имя, даже мне оно незнакомо). Итак, он может быть зван: Барт, Берт, Морг, Кеск... множество имён. Мне больше нравится Барт; незнакомка (его спутница. – *А. Г.*) – несомненно, Эмма, Кло, Клаудиа, Жозефина, Нэнси, Джу. – Из этого списка можно выбирать» (Дневник, 8 ноября 2004 г.)

Много работал над главой «К проливу Аниан». О проливе никто толком не писал. Пришлось долго идти к ней, несколько раз переделывать, чтобы получить окончательный вариант.

Силой художественного воображения сочинены Евгением неотправленные письма де ла Кройера своей жене Марии Дмитриевне в Якуцк: «Непосвящённый человек примет их за хорошо обработанный оригинал», – писал он.

Здесь же встретятся выдержки из не существовавшего на самом деле партикулярного журнала Витуса Беринга, придуманные автором.

Часто образы рождались на даче. Именно здесь будущие герои, события посещали своего писателя, здесь хорошо думалось. Главу «Смерть Беринга» автор набросал, приехав на дачу, сидя в машине.

В минуты творчества он уходил в себя: отрешенный, отсутствующий взгляд, отстранённость ото всего, слова невпопад, погружение в эпоху... В такие минуты я говорила: «Уплыл далеко вместе с Берингом». Так оно и было: в нём всегда шла напряжённая внутренняя работа, не подвластная описанию.

Он очень опасался не дописать своего Беринга. Встретив как-то Виталия Александровича Шохина, известного камчатского художника, в день своего рождения и разговорившись о делах житейских, о количестве прожитых лет, он ощутил и впрямь эти годы. «Я могу не успеть сделать Беринга, и будет обидно. А ещё у меня лежит начало повести “О Камчатском бунте и Степане Крашенинникове”». (Ему всегда хотелось писать много.)

И тем не менее, «Ступай и исполни» вышла в свет в двух частях в 2011 г. уже после ухода Евгения Валериановича.

Написанные им новые главы ко второй части (вложенные в рукопись, ими он хотел дополнить повесть), набирала Раиса Аркадьевна Пирагис, она же их редактировала и давала ценные советы по изданию.

Несомненно, Евгений Валерианович поправил бы сам себя: что-то добавил, вычеркнул, пересмотрел, от чего-то отказался, некоторые главы подверг бы строгой повторной правке, возможно, пожурил бы нас, составителей, – он никогда не торопился отдавать в печать написанное и после выхода книги обязательно возвращался к содержанию, оставляя для этого специальный рабочий экземпляр для пометок: перечитывая некоторые главы, обязательно бы сказал: «неудурно написаны» или «перечитал отдельные места, удивился, неужели это я писал, неплохо». Но чаще он был самокритичен, иногда излишне.

Евгений Гропянов только вошёл в писательскую силу и мог ещё очень многое сделать для литературы и культуры родного края. Он хотел жить лишь литературой: «Пусть не печатают, я бы писал, писал, писал – как я хочу писать...»

Евгений Валерианович задумал создать цикл документальных повестей о Витусе Беринге («Витус Беринг в рассказах, эпизодах и документах»), В. Атласове, И. Козыревском, Енисейском, геодезистах, Первой и Второй Камчатских экспедициях; включить в книгу «Англичане», «Биллингс», закончить повесть «И отправил себя в путь свой» о С. П. Крашенинникове, «Женитьба Алексея Шубина», издать хранящуюся только у него рукопись Б. П. Полевого «Избранное», которую начал набирать ещё в 2008 г.

Наконец, остались неопубликованными материалы повести о В. Беринге, не вошедшие в книгу «Ступай и исполни»: «Письмо тётушке Маргарет в Хорсенс», «Публикация в датской газете о возвращении Беринга из Первой Камчатской экспедиции», «Казнь Федора Соимонова» и его ссылка, «Смерть Стеллера», масса тех замечательных научных рассуждений, находок, мыслей, которые остались в папке «My Bering».

А если по всем записным книжкам Евгения Валериановича собрать разбросанные материалы, то получится ещё одна книга о Беринге и очень интересная. Е. Гропянов не уставал повторять: «История Камчатки еще требует своей литературной разработки. Сотни сюжетов бродят по равнинам и сопкам полуострова. Их надо только повнимательнее рассмотреть. А какие имена связаны с Камчаткой! Атласов, Беринг, Кук, Крузенштерн, Лаперуз, Завойко!

Историю края, в котором мы живём, мы знать обязаны, а если знаем её, то должны передавать другим. Тогда все будут ценить ту землю, за которую наши предки положили немало жизней!»

Р. С. За большой вклад в развитие литературы и книжной культуры на Дальнем Востоке и за книгу «Избранное» Евгений Валерианович был награждён Золотой медалью и Дипломом в конкурсе «Литературный» в 2011 г. в г. Владивостоке...

И. Ф. Делемень **ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ МУТНОВСКОГО ВУЛКАНА:** **СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИХ НАБЛЮДЕНИЙ** **С СОВРЕМЕННЫМИ ДАННЫМИ**

Среди многочисленных действующих вулканов Камчатки Мутновский (1) выделяется тем, что этот крупнейший из вулканов Южной Камчатки (2 323 м над ур. м.), играет исключительную роль в экономике региона из-за близости к Петропавловску-Камчатскому и транспортной доступности. У его подножия расположены две геотермальные электростанции, а сам вулкан и термальные источники привлекают многочисленных туристов. Здесь имеются месторождения серы, благородных металлов и строительных материалов.

На гидрографических картах Камчатки вплоть до середины 19-го столетия этот вулкан был обозначен под именем Поворотной сопки (или Поворотной Асачи), т. к. путешественники, проплывавая вдоль восточных берегов Камчатки, могли видеть у м. Поворотного его вершину.

Первые упоминания о вулкане встречаются у Карла фон Дитмара (13; 7), который заметил в описании своего пятилетнего путешествия по Камчатке 1851–1855 гг., что от Поворотного мыса с океана сопка имеет вид большого, довольно плоского конуса. Современные методы визуализации рельефа (например, в Earth Google) позволяют убедиться в том, что с акватории океана у м. Поворотного Дитмар мог видеть как вулканы Асача, так и Мутновский. Учитывая то, что тот же топоним Асача он употребляет, наблюдая из р. Паратунки извержение вулкана 30 января 1853 г., можно сделать вывод, что он имеет в виду именно Мутновский вулкан (Поворотная Асача). Впрочем, жители Паратунки в те годы ездили на медвежью охоту в район «Мутновской Асачи» (2). Похоже, что путаница с названиями возникла из-за того, что Мутновка, Асача и другие вулканические конусы воспринимались местными жителями как единый сложно построенный вулканический массив, имеющий общее название «Асача».

Исследователь собрал сведения о деятельности вулкана у местных жителей, т. к. сам не был на нём. Эти данные имеют и в настоящее время определённую ценность, предоставляя сведения об активности вулкана в середине XIX в. Сопоставим их с тем, что известно нам сейчас о Мутновском вулкане: